

А вот лет пятнадцать назад, очаровательный стиль сада нул
дробью литер горячих из гильз строчек мне по глазам.

И я был психологически вдавлен в гипсовую мякоть удовольствия, после ощущения стихотравмы, нанесённой рельефностью и накалом языка.

Он, как охотничья собака в зубах, после звука «бах», принёс суть того времени, в котором я когда-то жил и буду продолжать с этим прочитанным существовать.

Точнее, влачить часть своего человеческого существования следом.

Я понял что такое – писатели, душ спасатели. Будто, купил экскурсионный билет у товарища Бендера, со скидкой, как члену профсоюза на осмотр провала, ...и не вернулся с неё.

Провал в чтение Набокова. На месяцы попал в гуманность Андромеды.

Слова, как неумолимые улики вещдоков у хорошего следователя.

Вот так, наверное можно словом даже сильного превозмочь, разбавив маленький эпизод в чудовищном количестве и качестве слов ум напоющих и насыщающих.

Через тернии к звёздам. Сквозь звезды... и, снова в уютной темени полученных и оприходованных, первопечатных впечатлений.

Многие его произВЕЗДения являются амуреатами любовных премий литературы и вполне заслуженно.

Но, тряхни старина головой, вспомнив вот это:

Погода ухудшилась, и Лужин, помня унылый пустырь и кладбищенский ветер, просил отложить поездку до будущей недели. Мороз, кстати сказать, был необыкновенный. Закрылся каток, которому вообще не везло: в прошлую зиму все оттепель да оттепель, и лужа вместо льда, а в нынешнем такой холод, что и школьникам не до коньков.

В парках, на снегу, лежали маленькие, крутогрудые птицы с поднятыми лапками. Безвольная ртуть под влиянием среды падала всё ниже. И даже полярные медведи в Зоологическом саду, поёживались, находя, что дирекция переборщила...

Увидев свой дом, он покинул трамвай на ходу, асфальт про-

мчался под левым каблуком и, обернувшись, ударил его в спину, и трость, запутавшись в ногах, вдруг выскочила, как освобождённая пружина, взлетела к небу и упала рядом с ним. Две дамы подбежали к нему и помогли ему встать. Он ладонью стал сбивать пыль с пальто, надел шляпу и не оглядываясь, зашагал к дому. Лифт оказался испорченным, и Лужин на это не попенял. Жажда движений ещё не была утолена...

Лужин разжал руки, в тот миг, что хлынул в рот стремительный ледяной воздух, он увидел какая именно вечность угодливо и неумолимо раскинулась перед ним...

После написания своей первой повестушечки, прогнав её несколько раз сквозь шпицрутены ресниц и задавшись вопросом: а что же вообще я родил, бросился перечитывать классиков, чтобы ещё раз подтвердить первое своё впечатление, что я зря потратил столько своего времени.

И вот, с величайшим вниманием, умножительно уважительно, уже не в первый раз, защищаюсь вместе с Лужиным...

Я и старался Набокову подражать и не думал дрожать, что раскроют и будут корить за обезьяничанье.

И конечно же не хотелось, чтобы всё пошло не по сценарию и рыло баскервиля сказало Герасиму: НУ-НУ.

И понятно что я то, не имею права претендовать на статус исправительного учреждения ошибок столь уважаемого автора.

В ошибках своей повести я просто тонул и поэтому пришлось посвятить их исправлению очень много времени.

И, видимо ещё не утратив выработанного инстинкта, уже по инерции неожиданно для себя, обнаружил её у мэтра.

Возможно, о ней уже писали исследователи его творчества, но я об не знал.

Я был в курсе, что он читал лекции американским студентам по литературе, в которых учил их аккуратности и точности изложения материала.

Вернись читатель ещё раз к эпизоду, где герой сбивает пыль с пальто.

А это действие лица, происходит зимой и на протяжении

предыдущего и дальнейшего описания, даже и не собирается неожиданно нырнуть в другое измерение года.

И только, как по волшебству мастера, в самой сердцевине кульминации, снег вдруг превращается в прах, который нужно отрясти с одежд своих как страх, после решительного вердикта вынесенного самому себе.